

Эволюция «государства-нации»: попытка деконструкции

Станислав Макаренко

В последние 10–15 лет в зарубежных и российских исследованиях утвердился тезис об упадке государства как формы институционального устройства и о снижении его роли как политического актора. Утверждают, в частности, что полная или частичная неспособность государства эффективно выполнять свои функции ведет к расширению «сферы ответственности» других институциональных образований, которые берут на себя обеспечение прав собственности и гарантируют осуществление контрактов [см.: Sassen 1996: 12–16]. Этот процесс сопровождается эрозией («размыванием») суверенитета: государство лишается той монополии на власть, о которой писал М. Вебер. Новые организации получают «части» этой власти и отправляют ее уже независимо от государства. Таким образом, они приобретают собственный суверенитет и создают новые типы лояльности и коллективной идентичности, которые «отчуждают» объекты власти от государства. (Заметим, что данный подход противоречит классическим идеям Ж. Бодена о принципиальной неделимости суверенитета.)

Какая же форма пространственной организации власти придет на смену государству? Концепция «глобального управления», на наш взгляд, отражает лишь ситуативное понимание проблемы. Согласно данной концепции, суверенные государства должны добровольно передать значительную часть своих полномочий международным организациям. В действительности они вовсе не намерены это делать. Скорее, наоборот, становление глобального управления можно считать одним из проявлений борьбы суверенного государства с конкурирующими политико-экономическими образованиями за сохранение своей роли в мировой политике.

К нетрадиционным акторам, конкурирующим с национальными государствами на международной арене, исследователи относят интеграционные образования, негосударственные и неправительственные организации, некоммерческие организации, транснациональные корпорации, социальные и религиозные движения, террористические сети и многое другое. Число нетрадиционных акторов постоянно растет,

меняется и их роль в современном мире (например, в последнее время все чаще говорят о «приватизации» средств насилия в так называемых «несостоявшихся» государствах).

Основной причиной появления новых акторов считается глобализация, которая сегодня, видимо, выполняет ту же роль, какую выполняла «коммерческая революция» в Европе XI–XII вв. По утверждению С. Сассен, «экономическая глобализация влечет сущностную трансформацию в территориальной организации экономической деятельности и политико-экономической власти» [Sassen 1996: 1]. В условиях глобализации мир строится не столько по сетевому, сколько по иерархическому принципу. Сети, основанные на горизонтальных связях, отличаются высокой гибкостью и адаптивностью и плохо поддаются регулированию со стороны традиционных акторов, в частности, государства. Осуществление тотального контроля над ними либо полностью невозможно, либо требует такого массивного бюрократического аппарата, что затраты на него, очевидно, превысят выгоды от его использования.

В поисках ответов на вопрос, в каком же направлении движется современный мир, целесообразно обратиться к предыдущему этапу его «ре-формирования» (или «ре-позиционирования», «ре-контекстуализации» [см.: Held et al. 1999]) и выделить факторы, обусловившие его нынешнюю структуру. Речь идет о том этапе европейской истории (подчеркнем, именно *европейской*, поскольку суверенное государство — порождение европейской цивилизации), когда суверенное государство утвердилось на мировой арене в качестве ведущего игрока.

В настоящей статье мы попытаемся ответить на вопрос, поставленный Х. Спруйтом в работе «Суверенное государство и

его конкуренты»: «В какой мере изучение европейской истории может способствовать пониманию последствий тех процессов, которые протекают в настоящий момент?» [Spruyt 1994: 183]. При этом мы будем следовать логике ретроспективного анализа, согласно которой государство изначально рассматривается как наиболее успешная форма институционального устройства. Подобный подход позволяет очертить контуры методологии изучения процесса глобализации и причин «размывания» государственного суверенитета.

Становление международной системы суверенных государств формально датируется 1648 г. — годом подписания Вестфальских мирных соглашений, положивших конец Тридцатилетней войне. Именно в этих документах превалирующее положение суверенного государства как формы организации власти было закреплено юридически. Утверждению «Вестфальской системы» предшествовал длительный период неформального доминирования государства на международной арене.

Обратимся к теоретическим основам возникновения государства, а именно — к концепциям Джозефа Стрейера, Чарльза Тилли и Хендрика Спруйта.

Согласно теории Дж. Стрейера, формирование суверенного государства стало возможным благодаря установлению в XII–XIII вв. в Европе периода относительной стабильности, сменившего долгую эпоху миграций, набегов и завоеваний. Нарождающиеся институты власти занялись, в первую очередь, обеспечением безопасности граждан и организацией работы органов правосудия [Strayer 1970: 16–17]. Отправление правосудия представителями короля повышало авторитет королевской власти в глазах населения и к тому же приносило

казне дополнительный доход: чиновники, занятые в судах, отвечали, как правило, и за сбор податей в пользу короля [Strayer 1970: 28–29]. На становление государства и его доминирующее положение как формы институционального устройства решающим образом повлияло, — наряду с развитием торговли и расширением европейской экономики в результате крестовых походов, — соперничество в военной области. В условиях военной конкуренции нужно было создавать массивный фискальный аппарат и постоянную армию. «В некотором смысле войны были необходимы для формирования системы суверенных государств, — отмечал Стрейер. — Суверенитет требует независимости от любой внешней силы и верховной власти над людьми, проживающими в рамках определенных границ» [Strayer 1970: 58].

На рубеже XIV в. суверенное государство оказалось сильнее любой конкурировавшей с ним альтернативной модели организации власти [Strayer 1970: 57]. Что же позволило ему одержать верх в этой конкурентной борьбе?

Стрейер выделил характерные черты суверенного государства, обусловившие его доминирующие позиции как институционального образования: 1) четкие границы и длительность существования; 2) наличие «обезличенных» и относительно устойчивых политических институтов; 3) легитимация институтов со стороны населения; 4) лояльность граждан верховной власти. «Временные коалиции групп, разделяющих общие интересы, вряд ли станут основой для возникновения государства, — писал исследователь, — если угроза, вызвавшая их к жизни, не длится так долго или не повторяется так часто, что коалиция в итоге становится постоянной. Даже регулярные собрания и возобновляемые союзы

групп, признающих единое происхождение, недостаточны для создания государства» [Strayer 1970: 5]. По мнению Стрейера, именно границы послужили основой для становления и функционирования институтов власти на фиксированной территории. Для поддержания стабильности потребовались политические институты, с созданием которых наступает переломный момент в государственном строительстве. При этом институты сначала, как правило, проходят апробацию в частной сфере и только затем инкорпорируются в общественную. Для этого им нужна хотя бы минимальная поддержка населения: оно должно убедиться в полезности устанавливаемых правил и процедур для решения конкретных задач, будь то организация надежной оборонительной системы или обеспечение прав собственности. На заключительном этапе государственного строительства прежняя лояльность граждан — к семье, местным коммуна или религиозным организациям — переносится на государство [Strayer 1970: 5–10].

Превращение суверенного государства в доминирующую форму институционального устройства Стрейер связывал также с тем, что оно воплотило в себе сильные стороны двух предшествующих форм — империи и города-государства. Империи обладали военной мощью, но не могли вовлечь в политический процесс большую часть населения. А это вело к неэффективному использованию человеческих ресурсов и снижению лояльности граждан верховной власти: преимущественная часть жителей не рассматривала сохранение социальной организации в качестве высшего блага. Город-государство, по мнению Стрейера, напротив, являл собой образец эффективного использования человеческого капитала. Созданная в нем

система управления обеспечивала участие практически всех граждан в политической жизни, что повышало уровень лояльности властным институтам. Однако городу-государству не удалось решить проблему включения новых территорий и населяющих их людей в уже существующую структуру [Strayer 1970: 10–11].

Эпохой становления суверенного государства в Западной Европе Стрейер считал период с 1100 по 1600 гг. Альтернативные институциональные образования, существовавшие в то время параллельно с суверенными государствами [Strayer 1970: 10], проиграли борьбу за доминирующую роль в международной системе, поскольку, видимо, не обладали всей совокупностью черт, присущих государству. Стрейер выделял и другие модели государства*, которые выходили за рамки разделения на империи и города-государства (пример — Китай и Япония). Тем не менее преимущества европейской государственной модели были для него очевидны: «Способность европейского государства достигнуть экономического и политического верховенства в конечном итоге сделала опыт Китая (и других неевропейских государств) неперспективным. Европейская модель государства стала предпочтительной: ни одно европейское государство не пыталось имитировать альтернативные способы организации, в то время как неевропейские государства заимствовали данную форму устройства либо для того, чтобы выжить, либо в результате колониальной истории, которая накладывала значительный отпечаток на дальнейшее формирование институтов власти. <...>

Структура европейских государств, далекая от совершенства, была, тем не менее, значительно сильнее организации тех политических сообществ, с которыми европейцам приходилось иметь дело» [Strayer 1970: 12, 105].

Следует отметить, что концепция Стрейера не отвечает на вопрос о том, как классифицировать временные коалиции, не оформившиеся в государства в период 1100–1600 гг. Характерные примеры — Италия и Германия, существовавшие в состоянии территориальной раздробленности вплоть до второй половины XIX в., Швейцария, сохраняющая нетрадиционную для суверенного государства структуру, и др.

Некоторые положения теории Стрейера пересекаются с идеями американского философа Ч. Тилли, нашедшими отражение в его работах о «консолидированном государстве». Под *государством* Тилли понимал «социальную организацию, отличную от домашних хозяйств и родовых групп и обладающую правом на применение насилия и очевидным приоритетом в определенных аспектах над другими организациями на значительной территории» [Tilly 1990: 1].

Государства, взаимодействуя друг с другом, образуют определенную систему, которая влияет на их дальнейшее развитие. Главным объектом межгосударственного взаимодействия является контроль над территорией и населением [Tilly 1990: 4]. Именно поэтому государство, по мнению Тилли, можно считать продуктом конкуренции в военной области. Военное превосходство позволяло расширять границы контроля, используя разнообразные ресурсы. Госу-

* Дж. Стрейер применял термин «государство» к любой форме институционального устройства — империи, городу-государству, суверенному государству и т.д. Иными словами, суверенное государство рассматривалось им как один из типов государства. — *Прим. авт.*

дарства могли выбирать между несколькими стратегиями извлечения ресурсов:

- стратегия, опирающаяся на *насилия* (coercion-intensive), — правители получали ресурсы для ведения войны, обирая сельское население на подконтрольных или захваченных территориях, что сопровождалось созданием громоздкого административного и фискального аппарата;
- стратегия, опирающаяся на *капитал* (capital-intensive), — правители договаривались с торговцами и банкирами, и те оказывали государству финансовую помощь в строительстве собственных вооруженных сил или использовании наемных; при этом расширение госаппарата не требовалось;
- стратегия, основанная на использовании *насилия и капитала* (capitalized coercion), — правители получали ресурсы от обеих социальных групп, но затрачивали на их извлечение больше усилий, чем в двух предыдущих случаях [Tilly 1990].

От выбранной стратегии зависел тип государственного устройства: в первом случае образовывались империи, жившие за счет собирания дани, во втором — формы фрагментированного суверенитета, в третьем — национальные государства.

На роль военного фактора в возникновении государства указывал также

Т. Эртман в своей книге «Рождение Левиафана: строительство государств и режимов в Европе эпохи Средневековья и раннего Модерна»: «В настоящее время исследователи процесса формирования современного государства сошлись на том, что война, иногда в совокупности с другими факторами, была основной причиной, побуждавшей правителей адаптировать политические системы, расширять и рационализировать государственный аппарат, чтобы поддерживать конкурентоспособность в военной области» [Ertman 1999: 4]. Таким образом, именно военный фактор, по мнению исследователя, оказал ключевое воздействие на изменение институционального устройства политических систем в Европе раннего Модерна*.

Х. Спруйт, автор труда «Суверенное государство и его конкуренты», подчеркивал, что в плане политического устройства именно понятие «суверенитет», а не «определенный уровень развития королевской администрации, уровень дохода монарха или физический размер государства», ознаменовало переход от Средневековья к современности [Spruyt 1994: 3]. Появление этого понятия означало, по его мнению, формальную демаркацию политий на основе территориального принципа и установления верховной власти в пределах четко очерченного пространства [Spruyt 1994: 14]. Победу территориального государства Спруйт считал следствием большей эффективности данной формы институционального устройства по срав-

* Сущность «революции в военном деле» наглядно показал Р. Лачман: «Военное преимущество перешло [в XV веке] от аристократии, отсиживающейся в своих крепостях, к государствам, которые получили ресурсы, необходимые для создания армий и обеспечения их современной артиллерией, способной привести нобилитет в полное повиновение» [Lachman 2002: 3]. — *Прим. авт.*

нению с другими. Эффективность политических институтов он оценивал по их способности предотвратить односторонние действия, сократить транзакционные издержки (в частности, стандартизировать меры весов и выпуск денежных единиц), а также создать унифицированную судебную систему. Именно государство с его четкими границами и верховной, никем не оспариваемой властью на подконтрольной территории было способно гарантировать соблюдение этих критериев и стать структурной единицей новой системы международных отношений, получившей название Вестфальской.

Рождение прообраза будущих национальных государств Спруйт связывал с прорывами в области военных технологий в XV в. — с появлением артиллерии, современных укреплений, боеспособной пехоты и др. «Это изменение в среде, — отмечал он, — заставило правительства стремиться к получению больших ресурсов от населения для обеспечения безопасности политических» [Spruyt 1994: 31].

Конкуренты суверенного государства — *альтернативные институциональные образования* — оцениваются исследователями по-разному (в частности, существуют различные мнения относительно количества и типов данных образований). На наш взгляд, к этой категории было бы логично отнести любые виды социальной организации, будь то империи, институты церкви, города-государства, лиги городов, союзы коммун, монашеские и рыцарские ордена, крупные торговые ком-

пании, которые, так или иначе, оспаривали претензии государства на верховенство. Ведь все они представляли иную форму пространственной организации власти, отличную от современного государства. Они не были признаны Вестфальской системой в качестве суверенных субъектов международных отношений, но некоторым из них было предоставлено право участвовать в мировой политике. Например, фактическая независимость Швейцарской Конфедерации от Священной Римской империи была окончательно закреплена именно в 1648 г., а Папское государство всегда выступало активным игроком на европейской сцене, особенно на Апеннинском полуострове.

Появление отдельных видов альтернативных образований, например, городов-государств и городских лиг, исследователи [см., напр.: Spruyt 1994*; Pirenne 1937; Pirenne 1974: 77–106; Tilly, Blockmans (eds.) 1994] связывают с экономическим возрождением Европы в XI в. («коммерческой революцией» [Lopez 1976]) и бурным развитием торговли, прежде всего, в Северной Италии, а также на территориях современных Голландии и Бельгии. При этом крестовые походы рассматриваются как неотъемлемый элемент экспансии европейской экономики. Исследования по экономической истории Генуэзской и Венецианской республик показывают, что именно в результате основания государств крестоносцев установились тесные связи со странами Ближнего Востока [см.: Day 1988], а Византия утратила контроль над торговыми путями, проходившими через черноморские проливы. Огромные ди-

* Из теории Х. Спруита неясно, существовали ли подобные формы институционального устройства до экономического подъема или же стали возможны именно благодаря развитию торговли. — *Прим. авт.*

виденды от крестовых походов получало нарождавшееся в то время Папское государство.

Прообраз современных транснациональных корпораций (ТНК) зародился также благодаря экономическому подъему и налаживанию связей между Северной и Южной Европой. Во Флоренции не было системы, аналогичной венецианской, при которой государство покровительствовало торговле и фактически контролировало ее [Lachman 2002: 76, 79]. Поэтому флорентийские торговые дома* были вынуждены самостоятельно устанавливать контакты с властями тех территорий, чьи рынки представляли для них наибольший интерес. Они развернули и диверсифицировали свою деятельность в разных регионах Европы, став предшественниками европейских национальных акционерных компаний, образованных для торговли с Новым Светом. В свою очередь, эти компании послужили прообразом нынешних ТНК.

С конца XV в. суверенное государство, оказавшееся наиболее эффективной формой организации власти с точки зрения ведения военных действий, превращается в доминирующего актора. Другие институциональные образования оказываются перед выбором: либо подстроиться под государство, либо исчезнуть с политической карты Европы. В конечном итоге, мир стал государствоцентричным и в высшей степени иерархичным.

Сегодня мы наблюдаем обратную тенденцию: на международном уровне происходит децентрализация власти (не-

которые исследователи даже говорят о «возвращении в Средневековье» с его «лоскутной» организацией власти). Суверенное государство постепенно утрачивает присущие ему черты. В первую очередь это касается границ, которые становятся «проницаемыми». Например, для участников Шенгенских соглашений границы в общепринятом смысле слова уже фактически не существуют. Государство все больше подвергается внешним воздействиям (миграционные потоки, финансовые кризисы, эмбарго и т.д.). Многие «новые» государственные образования, возникшие в период деколонизации и в результате распада СССР, до сих пор не обладают укорененными политическими институтами. Устойчивость этих образований напрямую зависит от личности политического лидера и создаваемого им режима. Для «несостоявшихся» государств характерны отсутствие жесткого контроля над территорией и «обезличенных» политических институтов, неспособность верховной власти гарантировать гражданам минимальный уровень безопасности и порядка, лояльность населения к местным общинам, а не к постоянно меняющимся государственным институтам.

Кроме того, стремительно растет число международных акторов, способных «присваивать» идентичность отдельных групп населения. Речь идет, прежде всего, о надгосударственных, или интеграционных образованиях. Классический пример — Европейский союз. Сохраняя территориальный принцип организации власти, свойственный

* До прихода к власти во Флоренции семья Медичи создала партию из своих клиентов, которая поддерживалась за счет доходов от финансовых операций, осуществлявшихся в рамках широкой банковской сети [Hale 2001 (1977): 20–21; Lachman 2002: 74; Brucker 1983: 159]. — *Прим. авт.*

суверенному государству, ЕС отличается от него перераспределением компетенций и юрисдикций между национальным и надгосударственным уровнями. Государства-члены ЕС уже утратили многие функции контроля над внутренними делами. Валютная политика Союза определяется не национальными банками, а Центральным Европейским Банком. Функционируют общесоюзные органы, проводятся выборы в Европейский парламент, представлен проект конституции, принятие которой станет важным шагом на пути превращения ЕС в полноценное политическое образование. На этой основе постепенно складывается общеевропейская идентичность, отчуждающая население от традиционных объектов их лояльности — суверенных государств.

Во второй половине XX в. ускоренными темпами росло число международных организаций, взявших на себя функции координационных центров и переговорных площадок для обсуждения проблем, выходящих за рамки компетенции отдельных государств. Их решения зачастую являлись и являются обязательными для исполнения суверенными государствами. В некоторых случаях международные организации берут на себя выполнение традиционных для государства функций. Например, НАТО занимается обеспечением внешней безопасности стран ЕС, которые не готовы (или не способны) выделять на эти цели значительные финансовые средства.

Современные ТНК располагают огромными ресурсами, которые зачастую превосходят ресурсы отдельно взятых суверенных государств. Некоторые из них занимают монопольное положение на рынках, контролируя устойчивость экономических

систем. Предоставляя рабочие места десяткам тысяч людей, они могут оказывать давление на национальные правительства, вынуждая их проводить выгодную для ТНК политику. Присутствие ведущих ТНК на территории того или иного государства влечет за собой приток иностранных инвестиций и считается залогом его экономического процветания. Такие международные организации, как «Большая семерка», ВТО, Всемирный банк, Международный валютный фонд и др., способствуют укреплению ТНК, унифицируя правовую среду их деятельности и нивелируя различия в национальных законодательствах.

Итак, традиционные формы организации власти, безусловно, приходят в упадок, но и процесс становления новых институциональных форм еще не завершен. Поэтому говорить о закате суверенного государства пока рано. Сегодня еще вряд ли можно выделить тенденции или процессы, которые в итоге будут иметь значение «революции в военном деле» для утверждения новой системы и приведут к исчезновению неконкурентоспособных институциональных образований. При этом не исключено, что в этой конкурентной борьбе победителя не будет. Сохранение многообразия форм организационно-институционального устройства вполне возможно, поскольку они выполняют взаимодополняющие функции, отражающие комплексный характер стоящих перед ними проблем. Действительно ли наблюдаемые в настоящее время тенденции усиливают определенный тип акторов или же способствуют становлению принципиально иной структуры международных отношений, без доминирующего актора, покажет время.

примечания

Brucker G.A. 1983. Renaissance Florence. Berkeley.

Day G.W. 1988. Genoa's Response to Byzantium 1155–1204: Commercial Expansion and Factionalism in a Medieval City. Urbana; Chicago.

Ertman T. 1999. Birth of the Leviathan. Building States and Regimes in Medieval and Early Modern Europe. Cambridge: Cambridge University Press.

Hale J.R. 2001 (1977). Florence and the Medici: the Pattern of Control. L.

Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. 1999. Global Transformations: Politics,

Economics and Culture. Cambridge.

Lachman R. 2002. Capitalists in Spite of Themselves: Elite Conflict and Economic Transitions in Early Modern Europe. Oxford.

Lopez R. 1976. The Commercial Revolution of the Middle Ages, 950–1350. Cambridge.

Pirenne H. 1937. Economic and Social History of Medieval Europe. N.Y.

Pirenne H. 1974. Medieval Cities. Their Origins and the Revival of Trade. New Jersey.

Sassen S. 1996. Losing

Control? Sovereignty in an Age of Globalization. N.Y.

Spruyt H. 1994. The Sovereign State and its Competitors. An Analysis of Systems Change. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Strayer J.R. 1970. On the Medieval Origins of the Modern State. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Tilly Ch. 1990. Coercion, Capital and European States, A.D. 990–1990. Cambridge.

Tilly Ch., Blockmans W.P. (eds.) 1994. Cities and the Rise of States in Europe, A.D. 1000 to 1800. Boulder.